

**Признание недопустимыми показаний «по слуху» (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ):
очевидная неочевидность**

Научный руководитель – Ястребов Владислав Борисович

Беседин Глеб Евгеньевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Москва, Россия

E-mail: bessedin.gleb@gmail.com

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ к недопустимым доказательствам относятся показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности. Речь идет о невозможности использовать в доказывании по уголовным делам одного из видов производных доказательств - показаний «по слуху».

С первого взгляда кажется, что и назначение, и содержание этого положения о недопустимости доказательств предельно ясно. Данное правило не является новеллой действующего УПК РФ: в той или иной форме оно содержалось и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 718), и в одной из советских уголовно-процессуальных кодификаций - УПК РСФСР 1960 г. (ст.ст. 74-75). Смысл существования правила об исключении показаний «по слуху» кажется очевидным: подобного рода показания невозможно оценить с точки зрения достоверности, что влечет их негодность для установления истинной картины совершения преступления.

Более детальный анализ рассматриваемого правила позволяет сделать вывод, что оно является настолько же неочевидным, насколько кажется очевидным на первый взгляд. Думается, можно выделить по меньшей мере четыре спорных аспекта: возможность применения правила по аналогии (1); интерпретация и различение используемых терминов: «догадка», «предположение», «слух», «невозможность указать источник осведомленности» (2); асимметрия процессуального режима показаний потерпевшего и показаний свидетеля (3); отсутствие исключений (4).

(1) Правило п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ применяется только к показаниям потерпевшего и свидетеля. Правовая норма молчит о показаниях обвиняемого и подозреваемого. Может ли правило о недопустимости показаний «по слуху» применяться по аналогии к показаниям обвиняемого и подозреваемого? В советской доктрине А.И. Трусов положительно отвечал на этот вопрос: «аналогичные правила должны применяться также к показаниям обвиняемого и подозреваемого» (Бойков, Карпец, 1989, 564).

Как представляется, на современном этапе развития уголовного процесса, применение п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ по аналогии к показаниям обвиняемого и подозреваемого недопустимо, так как это противоречит праву на защиту. Показания обвиняемого и подозреваемого - это не только доказательства (источники информации), но еще и способ защиты данных участников уголовного судопроизводства. Они могут им пользоваться так, как им кажется необходимым для своей защиты от обвинения; ограничение этой возможности будет означать ограничение права на защиту. Вполне вероятно, что неприменимость п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ к показаниям подозреваемого и обвиняемого является иллюстрацией проявления концепции благоприятствования защите (*favor defensionis*) в современном уголовном процессе.

(2) Непонятно, для какой цели законодатель использует различные термины («догадка», «предположение», «слух»), если на самом деле показания «по слуху» можно описать с помощью единой формулировки: показания лица, которое «не может указать источник своей осведомленности».

Думается, что формулировка п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ представляет собой законодательный плеоназм (излишество). В формулировке правила фигурируют однопорядковые категории, смысловая разница между которыми незначительна. В судебных решениях они зачастую перечисляются через запятую в качестве однородных членов, что лишний раз подчеркивает их равный статус в глазах судей.

(3) Непонятно, почему показания «по слуху» потерпевшего являются недопустимыми, только если они основаны на «догадке», «предположении», «слухе» (первая часть п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), в то время как показания «по слуху» свидетеля признаются недопустимыми еще и тогда, когда «свидетель не может указать источник своей осведомленности» (вторая часть п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Иными словами, в чем причина того, что для показаний «по слуху» свидетеля законодатель формально предусмотрел большее число оснований недействительности, нежели для показаний «по слуху» потерпевшего? Что делать в том случае, если потерпевший (не свидетель) «не может указать источник своей осведомленности»?

Избранный законодателем подход до конца не ясен, особенно с учетом п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Однако поскольку правоприменительная практика не видит смысла в разграничении, например, показаний, основанных на слухах, от показаний, основанных на догадках, и т.д., к показаниям потерпевшего возможно применять положения второй части п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ (про источник осведомленности), буквально относящиеся только к показаниям свидетеля.

(4) Правило об исключении показаний «по слуху» (*hearsay rule*) - англо-американского происхождения. Формулировка данного правила, содержащаяся в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, не знает каких-либо исключений и в связи с этим является весьма жесткой, что в сравнительно-правовом плане вызывает удивление на фоне смягчения англо-американского правил об исключении производных доказательств.

Негибкость правила п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ сама по себе не была бы проблемой, если бы она не затрудняла правоприменительную деятельность. Иногда (и такие дела уже становились предметом рассмотрения и в Верховном Суде РФ, и в ЕСПЧ) «в показаниях лица, допрошенного под псевдонимом, [отсутствуют] сведения об источнике его осведомленности [. . .], когда указанные сведения раскрывают личность защищаемого или создают угрозу ее раскрытия» (Брусницын, 2013, 100). Раскрытие источника сведет на нет такую меру безопасности свидетелей, как дача показаний под псевдонимом. Буквальное применение положения п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ означает признание показаний такого «анонимного свидетеля» недопустимыми. Нонсенс.

Источники и литература

- 1) Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2013.
- 2) Галяшин Н.В. Англосаксонская модель производных доказательств (Hearsay) и возможности ее использования в российском уголовном судопроизводстве»: дис . . . канд. юрид. наук. М., 2016.
- 3) Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Юрист, 1995.
- 4) Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юридическая литература, 1989.

- 5) Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе : автореф . . . дис. канд. юрид. наук. М., 2012.
- 6) Мотовиловкер Я.О. Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956.
- 7) Якуб М.Л. Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.